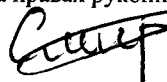

07.00.02
С 506

На правах рукописи

Смирнов Геннадий Сергеевич

**Государственное межевание уральских губерний
(конец XVIII – первая половина XIX века)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Челябинск – 2010

Работа выполнена на кафедре истории России ГОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук,
профессор
Сибиряков Игорь Вячеславович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор
Кобзов Владимир Серафимович

доктор исторических наук,
профессор
Пундани Валерий Владимирович

Ведущая организация: Челябинский институт (филиал) ФГОУ
ВПО «Уральская академия
государственной службы»

Защита состоится «21» мая 2010 г., в 14 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.298.13 при Южно-Уральском государственном университете (454080, г. Челябинск, пр. В.И. Ленина, 76, ауд. 244).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Южно-Уральского государственного университета

Автореферат разослан «16» апреля 2010 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета

М.И. Мирошниченко . М.И. Мирошниченко

44 1461

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Изучение истории поземельных отношений в России было и остается одной из важнейших задач отечественной исторической науки. В современном российском обществе всё большее значение приобретают отношения, связанные с разнообразием форм собственности на землю. Появление федеральной, региональной, муниципальной, кооперативной, частной форм собственности, мобилизация земли как товара потребовало усиления государственного регулирования и контроля использования и оборота земель, в том числе мерами государственного межевания и землеустройства, усилило потребность в знаниях, связанных с перераспределением земель, установлением и изменением границ земельных владений.

Как известно, во время не разрешенные земельный и аграрный вопросы в России не раз становились генераторами социальных столкновений. Это утверждение справедливо и для современной России.

В этой связи особенный интерес у исследователей вызывают переходные периоды, когда трансформация социальной структуры общества сопровождается изменением земельных прав, перераспределением земельной собственности, а в социально-экономической жизни тесно переплетаются черты старого и нового общественных укладов. Всесторонний анализ этих явлений дает возможность раскрыть исторические закономерности перехода от одного состояния общества к другому, в данном случае – от традиционного к индустриальному.

В традиционном обществе главным средством производства являлась земля. Земля была основным богатством, а землевладельцы считались привилегированным сословием. Обладание землей, а в крепостной России и земледельцами, открывало дорогу к богатству и власти. При переходе к индустриальному обществу, основанному на товарно-денежных отношениях, земля всё больше превращалась в товар и, как всякий товар, подчинялась законам рынка. В частности должна была иметь собственника и подлежать учету.

Со второй половины XVIII в. в центральных губерниях, а с конца века и на окраинах России начинается связанное с отмеченными выше процессами общеимперское мероприятие по учету, измерению и регистрации земельного фонда, известное в научной литературе как генеральное межевание. Межевание, с одной стороны, существенно изменило поземельные отношения в стране, а с другой – высветило новый пласт существенных общественных противоречий.

Несмотря на историческое значение и научно-теоретическую важность этого явления, государственное межевание так и не стало объектом специального исторического исследования. Отмеченное противоречие и делает избранную тему особенно актуальной для исторической науки.

В качестве **объекта** диссертационного исследования выступают генеральное и тесно связанные с ним специальное и особые межевания, использовавшиеся как инструмент государственной земельной политики.

Предметом исследования является процесс межевания и его последствия для землевладения в уральских губерниях.

Цель диссертации – определение региональных особенностей государственного межевания на Урале, выявление их причин и последствий для региона.

Задачи исследования:

- определить причины и цели государственного межевания – общероссийские и региональные (применительно к уральскому региону);
- изучить нормативно-правовую основу и организационные формы межевания;
- исследовать особенности процесса государственного межевания уральских губерний;
- дать характеристику основных видов и выделить основные этапы межевания в России и на Урале и на этой основе конкретизировать цели и результаты государственной земельной политики;
- дать оценку результатов межевания на Урале.

Хронологические границы исследования определены его целью и задачами и охватывают период с 1798 по 1844 г., время активного осуществления генерального и специального межевания в уральском регионе. Вместе с тем автору пришлось зачастую выходить за указанные границы, поскольку межевание на Урале являлось составной частью всероссийского межевания, временные границы которого гораздо шире (1766 – 1888).

Территориальные границы диссертации включают европейскую Россию, охваченную генеральным межеванием, а в её пределах уральский регион – территорию, входившую в исследуемый период в состав трех губерний – Оренбургской, Вятской и Пермской. Несмотря на определенные локальные различия, эта территория воспринималась современниками как единый географический и экономический регион, имевший ряд важных общих особенностей.

Степень научной изученности проблемы. По принципу общих методологических подходов, а также, учитывая слабость проработки

конкретных исследовательских вопросов, всю изученную нами литературу целесообразно разделить на досоветскую, советскую и постсоветскую.

Первые публикации в рамках исследуемой проблемы начались сразу же после завершения генерального межевания. Первыми, кто непосредственно обратился к вопросу истории государственного межевания земель в России, были Ф.Л. Малиновский и П.И. Иванов. В их работах отчетливо видно влияние «государственной школы», господствовавшей в тот период в отечественной историографии. Малиновский в 1844 г. опубликовал труд, в котором поставил задачу рассмотреть распорядительную деятельность государства в области межевого дела до начала генерального межевания¹. П.И. Иванов впервые попытался обосновать периодизацию истории межевания, разделив ее на три периода².

Однако вскоре в связи с завершением генерального межевания интерес к теме надолго был потерян и возродился только в конце XIX – начале XX в. в ходе начавшегося массового переселения крестьян в Сибирь, потребовавшего нарезки переселенческих участков. Для этого периода характерен ряд существенных особенностей: более критическое отношение к государственной земельной политике, преобладание народнических взглядов на проблему, появление работ обобщающего плана, непосредственно посвященных истории межевания. Генеральное межевание в них рассматривалось в качестве исходного момента современных достижений в развитии земельного законодательства и межевой практики, следовательно, нуждалось в критической оценке с современных позиций³.

Особое место в этой литературе принадлежит трудам И.Е. Германа, положившим начало систематическому и комплексному изучению истории межевания в России. В 1893 г. вышла его книга, посвященная анализу межевого законодательства, предшествовавшего началу государственного межевания⁴.

Через год была опубликована его вторая книга, посвященная состоянию

¹ Малиновский Ф.Л. Исторический взгляд на межевание в России до 1765 года. – СПб., 1844.

² Иванов П.И. Опыт исторического исследования о межевании земель в России. – М., 1846. – С. 3.

³ Дензин П.В. Межевание и землеустройство в России. – Пенза, 1909; Ивернов И.А. Основы межевого и землеустроительного дела. – М., 1910; Он же. Основы землеустроительного дела. – М., 1915; Кавелин С.П. Межевание и землеустройство: теоретическое и практическое руководство. С чертежами и образцами делопроизводства. – М., 1914; Хауке О.А. Русское землеустроительное законодательство. – М., 1910 и др.

⁴ Герман И.Е. История межевого законодательства от Уложения до Генерального межевания. (1649 – 1765). – М., 1893; Он же. История русского межевания. Изд. 1-3. – М., 1907 – 1914; Он же. Крестьянское землеустройство. Изд. 1-2. – М., 1909 – 1913; Он же. Материалы к истории генерального межевания в России. – М., 1911.

земельной собственности в России накануне генерального межевания. В ней автор приводит собственную версию причин межевания: необходимость упорядочения землевладения собственников недворянского происхождения и стремление защитить казенный земельный фонд от расхищения.

В последующих трудах, опубликованных в 1907 – 1914 гг., И.Е. Герман продолжил изучение истории государственного межевания, сконцентрировав внимание на принципах и правилах его реализации. Он исследовал деятельность Комиссии о генеральном межевании, разработавшей проект манифеста о государственном межевании, что позволило выяснить основные цели, задачи и принципы межевания. В частности, по мнению автора, главным нововведением был отказ от проверки документов на право собственности у тех владельцев, на чьи земли не было других претендентов. Это, в конечном счете, и позволило относительно успешно завершить общую часть межевания. Для автора не представлял сомнения продворянский характер межевого законодательства, закрепившего за ними практически все земли, которыми они владели незаконно. Наибольший успех это мероприятие получило в центральных районах страны, где преобладала поместная система землевладения. На окраинах, где господствовала иная система, генеральное межевание в чистом его виде неизбежно должно было погаснуть, чтобы уступить место иным видам межевания.

Близких взглядов на характер генерального межевания придерживался и С.П. Кавелин, считавший его логическим продолжением продворянской политики правительства, лишившего в XVIII в. прав земельной собственности все сословия, кроме дворянского⁵. Наложение границ по дачам на основании полюбовного развода самих владельцев, а не по документам на право собственности, сводило его роль к простой геодезической съемке, следы которой закреплялись на месте межевыми знаками. Вместе с тем, характеризуя землеустроительные задачи межевания в отношении крестьянских земель, С.П. Кавелин подчеркивал, что это было не межевое, а чисто земельное законодательство, выражавшее основные принципы государственной политики в XVIII в. по отношению к государственной деревне.

Преимущественно с формально-юридических позиций рассматривал проблему С.Д. Рудин. С точки зрения задач данной диссертации, наибольшую ценность представляют его изыскания в области особенностей межевого законодательства в отношении уральских территорий, в частности

⁵ Кавелин С.П. Межевание и землеустройство. Теоретическое и практическое руководство. – М., 1914. – С.28; Он же. Исторический очерк поземельного устройства государственных крестьян. – М., 1912.

размежевания башкир-вотчинников с припущенниками и государственных крестьян с помещиками, оказавшихся в одних дачах. В остальном его взгляды мало отличаются от взглядов П.И. Иванова, И.Е. Германа, С.П. Кавелина, подчеркивавших сословно-классовый характер такого, на первый взгляд, чисто технического мероприятия, как межевание⁶.

Отдельные аспекты межевой политики и практики исследуемого периода были затронуты в трудах В.Е. Якушкина, А.С. Лаппо-Данилевского, О.А. Хауке, А.И. Васильчикова⁷.

Сравнительный анализ писцовых книг и материалов генерального межевания осуществил С.Б. Веселовский⁸.

Что касается работ, полностью посвященных специальной части межевания, а также государственному межеванию уральских губерний, то таких работ обнаружено не было. Однако сюжеты, связанные со статистикой землевладения и землепользования до и после завершения межевания в крае, в исторической литературе представлены достаточно широко.

Так, непосредственные результаты перераспределения земельной собственности по итогам генерального межевания нашли отражение в работах В.И. Вешнякова, В.А. Новикова, Г.Г. Ершова, Н.В. Ремезова, Д.Н. Соколова, И.И. Родоконали⁹.

Подводя итог первому периоду развития историографии исследуемой темы, можно констатировать, что всплеск интереса к теме государственного межевания наблюдался дважды: в первое десятилетие после завершения

⁶ Рудин С.Д. Воспоминания о деятельности И.И. Шамшина на посту директора межевой части // Журнал Министерства юстиции. – 1912. Февраль; Он же. Межевое законодательство и деятельность межевой части в России за 150 лет. 19 сентября 1765 – 1915 г. – Пг., 1915; Он же. Прошлое и настоящее значение Межевой канцелярии. – СПб., 1900.

⁷ Якушкин В.Е. Очерки по истории русской поземельной политики. – М., 1890; Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. – СПб., 1890; Хауке О.А. Русское землеустроительное законодательство. – М., 1910; Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других Европейских государствах: Т. 1-2. – 2-е изд. – СПб., 1881; Он же. Сельский быт и сельское хозяйство в России. – СПб., 1881.

⁸ Веселовский С.Б. Сошное письмо. – М., 1915 – 1916. Т. 1-2.

⁹ Вешняков В.И. Крестьяне-собственники в России. Историко-статистический очерк. – СПб., 1858; Новиков В.А. Материалы по сельскохозяйственной статистике в Оренбургской губернии. – Оренбург, 1859; Ершов Г.Г. Статистический очерк распределения поземельной собственности в Уфимской губернии // Записки императорского русского Географического общества. По отделению статистики. Т.6. – СПб., 1899; Ремезов Н.В. Землевладение в Уфимской губернии. Краткий исторический обзор образования, дробления и распределения в ней поземельной собственности // Записки императорского Русского географического общества. По отделению статистики. Т.6. – СПб., 1889; Соколов Д.Н. Оренбургская губерния. Географический очерк. – М., 1916. – С. 95-96; Родоконали И.И. Особые и местные межевания и землеустройство. – Уфа. 1910.

генерального этапа с целью подведения его итогов, а затем, семьдесят лет спустя, в связи с ростом переселенческого движения и активизацией землеустроительной деятельности в рамках столыпинской аграрной реформы. При этом если на первом этапе интерес исследователей фокусировался на самом процессе межевания, то на втором главное внимание уделялось его социальной направленности.

В советской историографии данная тема как самостоятельная проблема практически не поднималась вовсе, но отдельные ее аспекты попутно рассматривались в связи с изучением общих вопросов истории сельского хозяйства и крестьянства. Одним из первых советских исследователей, описавших землевладение башкир, был Н.А. Чулошников. В центре его научного интереса оказалась поземельная политика царизма в Башкирии после известного указа 1832 г. Автор ошибочно рассматривал башкир как охотников и рыболовов, почти незнакомых со скотоводством и совершенно не занимавшихся земледелием, что и обусловило особенности его понимания земельных отношений в башкирском обществе¹⁰.

В работе более широкого плана, опубликованной в 1928 г. П.Н. Першиным, в рамках мероприятий земельной политики была затронута и проблема межевания земель¹¹.

В 1930-е годы имели место несколько публикаций в журнале «Архивное дело», посвященных истории и состоянию Межевого архива, содержавшего большой объем источников по исследуемой теме.

В дальнейшем специальные вопросы межевания поднимались крайне редко, да и то в рамках других, более широких проблем.

Гораздо чаще поземельные отношения изучали башкирские историки, но в специфическом региональном контексте. Их исследования проходили в рамках двух основных проблем: земельной политики царизма в Башкирии и особенностей башкирского землевладения, включая и отношения башкир-вотчинников с припущенниками. В качестве примера следует назвать статью Х.Ф. Усманова, в которой исследована нормативно-правовая основа и практика размежевания башкирских земель с припущенниками¹².

Впрочем, в качестве источника данные межеваний, особенно материалы «экономических примечаний», использовались и используются в настоящее

¹⁰ Чулошников Н.А. К истории башкирского землевладения и русской поземельной политики в Башкирии после указа 1832 г. // Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края. Вып.1. – Оренбург, 1921.

¹¹ Першин П.Н. Земельное устройство дореволюционной России. – Воронеж, 1928.

¹² Усманов Х.Ф. Размежевание башкирских дач между вотчинниками и припущенниками по правилам 10 февраля 1869 г. // Из истории сельского хозяйства Башкирии. – Уфа, 1976. – С. 24-51.

время достаточно часто. Это обстоятельство потребовало написания специальных источниковедческих трудов о «примечаниях». Наиболее фундаментальным из них, безусловно, остается монография Л.В. Милова¹³. Однако в ней не отражена специфика экономических примечаний, собранных в уральских губерниях, а само межевание детально не исследовалось.

Применительно к Южному Уралу и Зауралью этот недостаток отчасти был компенсирован за счет исследований С.С. Смирнова и Г.Г. Павлуцких.

Задача частичного обобщения и источниковедческой интерпретации «экономических примечаний» ставилась в исследованиях М.А. Цветкова, В.К. Яцунского, П.А. Колесникова, Я.Е. Водарского. Ими рассматривался, в частности, вопрос об изменении соотношения угодий под воздействием общего сокращения обрабатываемых государственными крестьянами площадей, вызванного перераспределением земель во время межевания.

Если государственное межевание как самостоятельная проблема и не стало в советский период объектом пристального внимания историков, то в качестве важнейшего фактора изменений поземельных отношений и условий и способов хозяйствования оно, безусловно, исследовалось. В частности, динамике наделного землепользования государственных крестьян уральских губерний посвящены статьи Г.В. Ярового, А.С. Черевана, В.В. Пундани, а крестьян помещичьих – Ю.С. Зобова. Тем не менее, до сих пор отсутствует специальное исследование роли генерального межевания в процессе перераспределения земли на территории Урала, не говоря уже обо всей России. В целом же можно констатировать, что ученые советского периода, хотя и внесли новую исследовательскую методологию в изучение вопросов аграрной истории и существенно расширили ее проблематику, тему собственно государственного межевания, за исключением лишь отдельных ее аспектов, они практически не поднимали.

В постсоветский период заметных изменений в методологии и методике изучения хода и последствий генерального межевания пока не произошло. Не произошло и усиления исследовательского интереса к проблеме. На этом фоне особого внимания заслуживает изданная в 2007 г. в Уфе монография А.И. Акманова, одна из четырех глав которой посвящена генеральному межеванию Оренбургской губернии, главным образом, деятельности Оренбургской межевой конторы в 1806 – 1842 гг. по рассмотрению возникавших в ходе межевания споров¹⁴. Вопреки исследователям и

¹³ Милов Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. – М., 1965.

¹⁴ Акманов А.И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX в. – Уфа, 2007.

досоветского, и советского периодов он отрицает социально-политическую составляющую данного мероприятия и утверждает, что межевание проводилось исключительно с целью «упорядочивания земельных отношений» и что «оно вполне достигло поставленных властями целей». Правда, при этом автор всё же вынужден признать, что «недовольство действиями землемеров проявляли практически все категории населения»¹⁵.

В целом же историографический анализ показывает, что государственное межевание в России, будучи одним из важнейших землеустроительных и землераспределительных мероприятий, не получило должного внимания историков, хотя задача его исследования продолжает оставаться актуальной.

Источниковая база исследования. В основу диссертации положены по большей части архивные документы как центральных, так и местных учреждений, имевших отношение к государственному межеванию. В процессе работы над темой были обследованы фонды Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан (ЦГИАРБ), Государственных архивов Оренбургской (ГАОО), Свердловской (ГАСО), Челябинской (ОГАЧО) областей.

По характеру содержащегося в них материала архивные источники можно разделить на четыре группы. В первую вошла собственно межевая документация: планы дач генерального и специального межеваний, экономические примечания.

Во вторую группу включены различные статистические, экономические, военно-топографические описания обобщающего характера конца XVIII – первой половины XIX в. Большая часть описаний хранится в делах Военно-ученого архива (Ф. ВУА) и фонде 414 РГВИА. Эти описания дополняют экономические примечания и содержат пояснительный материал, который в примечаниях отсутствует.

Третья группа состоит из документов, характеризующих сам процесс подготовки и осуществления межевания и связанную с ним деятельность по выявлению владельческих прав на землю. Прежде всего, это фонды межевого архива, созданного в 1768 г. для хранения актов генерального межевания (РГАДА): Ф. 1355 – Экономические примечания к планам дач генерального межевания; Ф. 1294 – Межевая канцелярия; Ф. 1295 – 1354 – Губернские и областные межевые конторы и чертежные и межевые комиссии. Большой интерес представляют хранящиеся в них полевые записки, спорные,

¹⁵ Там же. С.274.

следственные, мелочные дела. Значительный объем спорных дел, а также заявлений, жалоб, просьб, материалов расследований хранится в фондах губернских межевых контор и уездных землемеров.

К четвертой группе отнесены документы нормативно-инструктивного плана, позволяющие получить информацию о принципах и правилах межевания, порядке разрешения спорных дел, общей земельной политике государства в регионе. Большинство этих документов опубликовано в «Полном собрании законов Российской империи», а также в «Своде законов Российской империи» разных изданий.

Изученный в процессе работы над диссертацией источниковый материал позволяет достаточно полно и адекватно раскрыть тему.

Методологическая основа диссертации. В основу диссертационного исследования заложен ряд основополагающих исследовательских принципов. Прежде всего, это – взаимосвязанные принципы объективности и историзма. Первый требует выбора проблемы, исходя не из личных интересов автора, а из её теоретической и прикладной значимости для исторической науки. Оценка событий и фактов также должна строиться, исходя из их объективной роли в историческом процессе, а не из соображений политической или идеологической конъюнктуры. Второй принцип требует рассмотрения исторического процесса в развитии и с учетом всей совокупности его существенных связей.

В теоретическом отношении изменение поземельных отношений в России и на Урале в исследуемый период мы рассматриваем как часть общего модернизационного процесса эволюции российского общества, а его региональные особенности – как конкретно-историческую форму проявления данного процесса.

Использованные в исследовании методы делятся на общенаучные и специальные методы исторической науки. В самом общем виде общенаучные методы можно разделить на эмпирические и логические, а по способу работы с информацией – на количественные и качественные. Из теоретических наиболее универсальным является аксиоматический, позволивший на основе систематизации эмпирических знаний сформулировать систему основных понятий исследования. В частности сформулированы понятия генерального, специального и особого межеваний. Из эмпирических нами наиболее часто использовались методы извлечения информации из описательных источников. Например, в ходе анализа спорных дел мы применяли контент-анализ, позволивший формализовать качественную информацию и на этой основе осуществить количественные сравнения.

Из специальных методов исторической науки наиболее широко использованы историко-генетический (позволил проследить ход процесса государственного размежевания, изменений его целей, структуры, функций), историко-сравнительный (при сопоставлении общероссийских закономерностей и региональных особенностей), историко-типологический (для деления исследуемых объектов и явлений на группы и выделения качественно различных периодов в истории размежевания), историко-системный, позволивший представить государственную земельную политику как систему элементов (политических решений, правовых норм и административно-управленческих действий).

Теоретическим фундаментом диссертации являются: теория социальной модернизации, позволяющая определить магистральные направления социального развития общества в период перехода его от традиционного к индустриальному типу; теория многоукладности переходных обществ, раскрывающая конкретный механизм формирования новой системы общественных отношений в рамках старой; теория государственного феодализма, позволяющая связать изменения в земельной политике с формированием сословий дворян и государственных крестьян.

Научная новизна диссертации заключается, прежде всего, в постановке проблемы места государственного размежевания в общей государственной земельной и социальной политике. В диссертации впервые с конца XIX – начала XX в. поднимается вопрос о причинах и ходе этого мероприятия в масштабах всей Российской империи и впервые рассматриваются особенности размежевания на восточных окраинах страны, обусловленные как местными условиями землевладения и землепользования (пространственный фактор), так и несовпадением по времени (временной фактор).

Новыми являются ряд положений и выводов автора, касающиеся целей и задач размежевания, особенностей его осуществления на Урале, этапов государственного размежевания и их характеристики. В частности, новым является взгляд автора на генеральное, специальное и особые размежевания как на составные части единого и целостного процесса.

В источниковедческом отношении новым является применение в отношении исследуемого региона метода сплошного изучения и статистического обобщения материалов «Экономических примечаний», что позволило автору впервые выйти за рамки иллюстративного использования этой важной количественно-качественной информации и воссоздать целостную картину землевладения и землепользования в регионе.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы для написания обобщающих научных трудов по

истории земельного законодательства и земельных отношений в России, по истории Урала и при подготовке учебных курсов по региональной и отечественной истории.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования изложены в 19 публикациях и выступлениях автора на Уральских Бирюковских чтениях (Челябинск 2003, 2005, 2006, 2007, 2008); Всероссийских Емельяновских чтениях (Курган 2006, 2007, 2008), Международных научно-практических конференциях «Социально-экономическое развитие России в нестабильном мире» (Челябинск 2009, 2010), Первой научной конференции аспирантов и докторантов (Челябинск: ЮУрГУ, 2009) и др.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснованы актуальность темы, хронологические и территориальные границы, указаны цель, задачи, объект и предмет исследования, методология. Показана степень научной изученности проблемы, охарактеризованы источниковая база, степень научной новизны, практическая значимость и структура работы.

В **первой главе: «Подготовка и организация государственного межевания в России»** рассмотрены законодательные основы и практическая подготовка к проведению этого масштабного мероприятия.

Первый параграф: «Подготовка всеобщего межевания земель в России» посвящён исследованию законодательных основ генерального межевания в России.

Вступив на престол, Екатерина II продолжила подготовку генерального межевания на территории всей империи, начатую еще при Елизавете. Однако предварительно было решено проанализировать уже полученный опыт и на основе этого анализа существенно ускорить процесс межевания. С этой целью была создана специальная Межевая комиссия в составе Петра Панина, Николая Муравьева, Михаила Лунина, Александра Вяземского. В разработанный комиссией «пакет» документов вошли «Манифест о государственном межевании», «Реестр ценам для продажи казенных земель и засек, в дачах не бывалых земель», «Генеральные правила для сочинения по ним межевых инструкций».

Официально задачи межевания состояли в том, «...чтобы привести в известность количество земли и угодий, как всех вообще, так и в части казне

принадлежащих, и чтобы утвердить спокойствие владельцев постановлением правильных и несомненных границ поземельного владения»¹⁶.

Учтя неудачный опыт, комиссия внесла в межевые правила ряд принципиальных изменений. Во-первых, проверка прав собственности на не спорные дачи отменялась, во-вторых, самовольно захваченные казенные земли сохранялись за помещиками. В-третьих, делалось это только при условии отсутствия земельных споров с соседями. В-четвертых, вводились санкции против тех, кто явно захватил часть соседской земли. В-пятых, разрешение трудных спорных дел откладывалось до проведения специального этапа размежевания. В-шестых, после начала генерального межевания любые самовольные захваты считались незаконными, а попытки пересмотреть итоги межевания путем переноса межевых знаков сурово наказывались.

Таким образом, генеральное межевание, в первую очередь, касалось помещичьего землевладения и должно было разделить владельческие дачи между собой, и отделить их от земель казенных.

Однако межевание не сводилось только к размежеванию владельческих дач. В ходе его проводились точные измерения угодий, вводились единые меры площади, составлялись подробные экономические примечания. Все это позволяло иметь гораздо более полное представление о местоположении, географических и топографических особенностях, почвенно-климатических условиях, флоре и фауне, реальных и потенциальных экономических возможностях каждой дачи. А в дальнейшем могло быть использовано для более адекватной оценки стоимости земли или при дифференциации поземельного налога.

Одна из важнейших задач межевания казенных земель заключалась в наделении государственных крестьян и других категорий населения землей в соответствии с установленными нормативами. В общем случае таким базовым нормативом считался надел в 15 десятин удобной земли на ревизскую душу. В соответствии с этим принципом, сверхнормативные земли следовало отрезать в казну, а тем, у кого их не хватало, – добавлять из казенного фонда. Крестьянин терял владельческие права на свою землю и из землевладельца превращался в простого землепользователя.

Владельческие права на купленные и пожалованные земли однодворцев и «прежних служилых людей низшего разряда, положенных в подушный оклад» также существенно сокращались, а крестьяне лишались этих прав полностью. Однако на окраинах политика по изъятию земель проводилась не столь последовательно, в частности признавалась собственность

¹⁶ ПСЗ. Т. 17. № 12474. II. 1; № 12659. Введение; Т. 23. № 16775. Прим.

припущенников на земли, купленные ими у вотчинников или находящиеся в длительном пользовании.

Таким образом, указанные выше нормативные документы заложили основу межевого и в значительной степени земельного законодательства в России второй половины XVIII – начала XX в.

Во *втором параграфе*: «*Организация генерального межевания*» рассмотрена организационная структура межевых учреждений. Изучены конкретные подготовительные мероприятия. Выявлены основные отличия старого и нового законодательства, главным из которых был отказ от проверки прав собственности по документам. Важным моментом было также разделение по времени генерального и внутреннего размежевания дач, что позволяло продвигать генеральное межевание более быстрыми темпами.

Подготовка к межеванию началась с реорганизации межевых учреждений. Были учреждены Межевая экспедиция при Сенате, Межевая канцелярия в Москве, межевые конторы в межевавшихся губерниях. Таким образом, создавались три инстанции по рассмотрению апелляционных дел – контора, канцелярия и экспедиция. Всего в период генерального межевания была открыта 31 межевая контора. По мере завершения межевания они ликвидировались. В 1844 г. была закрыта последняя из них – Пермская.

Практическим руководством для генерального межевания стали три основных документа, утвержденных в 1766 г.: «Инструкция для землемеров» от 13 февраля, «Инструкция для межевых канцелярий и контор» от 25 мая, «Наставление землемерам к технической части межевания» – июнь. Важнейшим из них является Инструкция для межевых канцелярий и контор, ставшая главным источником более поздних межевых законов, просуществовавших вплоть до 1917 г.

Непосредственным межеванием земельных дач занимались межевые партии, возглавлявшиеся землемерами.

Генеральное межевание началось в 1766 г. с Московской и закончилось в 1888 г. в Пермской губ. За эти 122 года было обмежевано 35 губерний, выделена 210 961 генеральная дача площадью в 274 млн. десятин. Это составляло 1/8 часть всей территории России. Межевание не производилось в Сибири и в ряде окраинных районов, где отсутствовало помещичье землевладение и там, где не было условий для земледелия.

В *третьем параграфе*: «*Специальное размежевание общих и чересполосных дач*» анализируются особенности внутреннего межевания общих и чересполосных дач.

По мере распространения генерального межевания на новые территории всё более актуальной становилась задача внутреннего размежевания общих,

чересполосных и смежных дач (специальное коштное межевание). Особенно это касалось Южного Урала, где на башкирских землях проживала масса припущенников. Согласно существовавшему законодательству, внутреннее размежевание проводилось только с согласия владельцев.

В 1836 г. полюбовное размежевание было объявлено делом чрезвычайной государственной важности. Согласие на него землевладельцев поощрялось, а несогласие могло повлечь крупные неприятности.

С целью установления единого порядка межевания и его стимулирования указами от 21 июня 1839 и 27 мая 1841 г. во всех губернских городах создавались особые посреднические комиссии под председательством губернских предводителей дворянства, а в уездных городах дворяне выбирали из числа местных помещиков одного или несколько посредников.

Таким образом, вопросы организации специального межевания на местах передавались в руки помещиков-землевладельцев.

В ходе специального межевания всё большее значение принимала фигура уездного землемера, возглавлявшего межевую партию и стимулировавшего землевладельцев к «полюбовным разводам».

Итак, специальное межевание являлось составной частью и логическим продолжением генерального межевания в России. Технологически и хронологически оно следовало за генеральным, доделывая то, что последнее только наметило вчерпе. Несмотря на тесную связь, они проводились отдельно и на основании разных законодательных принципов: генеральное в обязательном порядке и бесплатно, специальное добровольно и за счет владельцев дачи. В целом, всеобщему межеванию предшествовала длительная подготовительная работа. Было апробировано несколько вариантов межевого законодательства, разработаны подробные межевые инструкции и иные необходимые документы. Созданы управленческие и технические подразделения. Налажена подготовка межевщиков. Проанализированы и учтены недостатки предыдущих межеваний. Всё это и послужило основой успешного осуществления этого грандиозного проекта на территории центральной России.

Во второй главе: «**Особенности межевания уральских губерний**» исследован ход реализации межевых мероприятий на Урале, показаны региональные особенности межевания, его последствия для землевладения в крае. В первом параграфе: «*Нормативно-правовое регулирование межевания уральских губерний*» проанализированы нормативные акты, специально изданные для уральских губерний.

Анализ дополнительных статей, к межевым инструкциям, изданным для межевания уральских губерний, свидетельствует, во-первых, о том, что они

не вносили существенных изменений в межевое законодательство, а лишь конкретизировали его отдельные статьи применительно к местным условиям. Во-вторых, особо сложные ситуации, выносились за рамки процедур генерального межевания (межевание земель казачьих войск, башкир-вотчинников, горнозаводских дач) и разрешались на основании особых нормативных актов и силами соответствующих ведомств. В-третьих, значительная часть споров исключалась из разрешения в процессе генерального межевания и передавалась на рассмотрение губернских властей, приравнивая их тем самым к специальному межеванию, хотя они не являлись таковыми по существу.

Всё это должно было способствовать быстрейшему завершению генерального межевания. Однако на практике этого не произошло, о чем особенно наглядно свидетельствует опыт Пермской губернии, где оно растянулось на 68 лет, хотя межевали ее уже не только генеральные землемеры, а и представители других ведомств.

Во *втором параграфе: «Особенности осуществления межевых мероприятий на Урале»* показаны общие итоги межевания, выделены его основные этапы, показан механизм перераспределения земельной собственности в крае.

Структура землевладения и землепользования в крае заметно отличалась от центральных областей страны. Специфическими особенностями Урала являлись относительное многоземелье, неразвитость помещичьего сельского хозяйства, наличие больших земельных массивов, занятых горнозаводскими дачами, башкирское вотчинное землевладение с институтом припуска, большой удельный вес казенных земель.

Генеральное межевание окраинных губерний – Оренбургской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Вятской, Пермской и Новороссийской шло чрезвычайно медленно по сравнению с екатерининскими временами, когда было обмежевано 22 губ. В Оренбургской губернии оно длилось 45 лет, в Саратовской – 38, в Симбирской – 24, в Вятской – 21, в Пермской в два приема – 32 года, в Новороссийской – 32 года. Для сравнения: при Екатерине II межевание губернии продолжалось от 2 до 15 лет. Автором проведен анализ причин этого. Главная из установленных причин заключалась в больших площадях и недостаточном для них количестве межевых партий.

Однако в целом межевание осуществлялось так же, как и на территории большинства европейских губерний. Технически оно проводилось в два этапа: первоначально делалась геодезическая съемка и собирались сведения для «экономических примечаний», затем на основании собранных сведений определялись границы дач, проводились межи, изготовлялись генеральные

планы, которые затем утверждались и становились официальными документами на право собственности или владения дачей в указанных границах. Спорные участки или целые дачи, находившиеся в совместной собственности нескольких владельцев, при отсутствии согласия между ними внутреннему размежеванию не подлежали. Этот процесс переносился на этап специального размежевания. При внутреннем (специальном) межевании пересмотр границ утвержденных генеральных дач не допускался. Следовательно, утверждения авторов из Межевого департамента Сената¹⁷ о грубых нарушениях на Урале базовых принципов «екатерининского» генерального межевания не подтверждаются.

14 августа 1797 г. были утверждены «Дополнительные статьи и мнение Сената к общей межевой инструкции для межевания земель в Симбирской, Саратовской и Оренбургской губерниях». Всего было принято 35 статей, которые были распространены и на Оренбургскую губернию.

17 июля 1804 г. издан указ «О правилах для генерального межевания Вятской губернии»¹⁸. Большинство дополнительных статей распространялось и на нее. Оговаривалась лишь неприкосновенность корабельных лесов, которых в губернии было особенно много.

Обширная Пермская губерния с ее горными заводами, соляными промыслами, корабельными лесами, заводскими крестьянами, различными инородцами и помещиками, владевшими землей по особым привилегиям, тоже потребовали разработки дополнительных правил межевания. Они были изданы 10 февраля 1824 г. под заголовком «Дополнительные статьи к общей межевой инструкции для генерального межевания земель в Пермской губернии»¹⁹. В документ вошли и некоторые параграфы из Дополнительных статей правил межевания Самарской, Саратовской и Оренбургской губерний от 18 августа 1799 г. и указа 17 июня 1804 г. о межевании Вятской губернии. Эти правила и были утверждены в качестве дополнительных к общей межевой инструкции.

Много внимания в «пермских дополнительных статьях» уделялось межеванию горнозаводских дач. Так, статья 13 была посвящена межеванию территории горнозаводских поселений, получивших на основании проекта Горного положения статус горного города, включая и Екатеринбург. Их предлагалось межевать в одну окружную дачу с соответствующими заводами и рудниками. Эти же правила распространялись и на Дедюхинский соляный

¹⁷ О государственном генеральном межевании в России. – СПб., 1868. – С.27.

¹⁸ ПСЗ, Т. 28. № 21351.

¹⁹ ПСЗ, Т. 39. № 29772.

промысел. Отдельное место отведено правилам межевания земель, принадлежавших фамилии Строгановых.

В приуральских губерниях роль губернских органов управления в принятии решений о распределении земли между владельцами была заметно выше, чем в центральных. Это соответствовало основным принципам, проводившейся в период межевания губернской реформы, усиливавшей децентрализацию административного управления.

В *третьем параграфе*: «Землевладение на Урале по итогам генерального межевания» показано влияние государственного межевания на распределение земельных угодий между основными категориями владельцев.

Главным собственником земли в крае и после завершения генерального межевания оставалось государство. Вместе с крестьянскими землями казне принадлежало 56 млн. десятин, или около 86% всей земли, из которой только 17,4 млн. (27%) оставалась в ее непосредственном распоряжении, остальная в виде наделов находилась в пользовании казенных крестьян и других категорий свободных сельских производителей и частично в виде посессионных владений была передана горнозаводчикам. Распределен казенный фонд земли был неравномерно: в гористой Пермской губернии – 21%, в лесистой Вятской – 51%, в степной Оренбургской всего 9%. Незначительная часть её сдавалась в аренду, остальная не использовалась.

Помещикам принадлежало в Пермской губернии 21% земель (главным образом это были дачи горных заводов), в Оренбургской губернии – 14% и в Вятской (где не было частных горных заводов) 2%. В целом помещичье землевладение в крае в ходе межевания заметно расширилось, особенно на Южном Урале.

Государственным крестьянам, казакам, башкирам и их припущенникам принадлежало 37 814 млн. дес., 58% земельных угодий (43% в Вятской, 45% в Пермской, 76% в Оренбургской губерниях), помещики владели 9 360 млн. дес., 14% угодий, в казенном владении оставалось 17 367 млн. дес., 2% угодий, в основном леса. Землевладение государственных и близких к ним категорий крестьян в целом сократилось за счет отрезки «излишков»²⁰.

Основную ценность в сельскохозяйственном отношении представляла пашня. Абсолютно она преобладала у крестьян государственных и удельных. Совместно им принадлежало свыше 88% всей пашни, тогда как помещикам принадлежало всего 7,1%, а казне 1,1%. Пашня имела ценность и могла существовать только в сочетании с трудом земледельца. Помещики, не имевшие достаточного количества крепостных, просто были лишены возможности ее расширения. Похожая картина наблюдалась и в отношении

²⁰ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 331-359, 1089-1137.

сенокосных угодий. Их крестьянам принадлежало около 80%; помещикам – около 10%; казне – 11%. Казенные, а отчасти и помещичьи сенокосы частично сдавались в аренду тем же крестьянам-земледельцам, а в горнозаводских дачах использовались для обеспечения фуражом заводских лошадей. Зато леса, не требовавшие ухода, но являвшиеся потенциальным богатством, а также служившие источником топлива для горных, соляных, винокуренных и поташных заводов, в основном принадлежали помещикам и казне: помещики владели 17% леса; казна – почти 40%, а крестьянам принадлежало менее 45%, чего было явно недостаточно.

Лес был основным владением и казны – 15 млн. дес. (86,9% всей казенной земли), и помещиков – 6,8 млн. десятин (73% всей их земли).

Главный вывод главы заключается в том, что в приуральских губерниях основные задачи межевания совпадали с задачами в центральных губерниях, но приоритеты при этом были разные. Кроме того, местные особенности внесли свои коррективы, поставили перед межеванием задачи, имевшие самостоятельное значение. К общим задачам следует отнести: «приведение в известность» земельного фонда; укрепление и расширение помещичьей собственности на землю; уточнение и закрепление границ владений и тем самым прекращение земельных споров; ликвидацию чересполосицы; наделение государственных (а отчасти удельных и помещичьих) крестьян наделной нормой с целью укрепления податного потенциала крестьянского хозяйства.

Специфическими задачами межевания в регионе являлись: возвращение из незаконного владения (в основном государственными крестьянами) казенных земель; размежевание башкир-вотчинников с припущенниками; наделение фиксированными наделами «инородцев», включая гражданских и военных; рациональное обеспечение лесами, рудой и другим необходимым сырьем, водной энергетикой и транспортными путями горных заводов разных форм собственности; обеспечение выгонами городов, возникших в результате губернской реформы; мобилизация земельной собственности (создание запасного фонда для переселенцев и рынка земли).

Если говорить о влиянии межевания на земельные отношения и на состояние сельского хозяйства, то произошло перераспределение земли в пользу помещиков (в основном за счет непосредственных сельских производителей – государственных крестьян). Землевладение государственных крестьян в целом сократилось, что подтверждается и материалами третьей главы. Перераспределение фонда происходило также за счет выравнивания наделов между волостями и селениями. Однако уравнительность внутри общины поддерживать было трудно, да и

межевание, даже специальное, такой задачи не имело, земля нарезалась на всю общину, а не подворно. По этой же причине и чересполосица была ликвидирована только между дачами индивидуальных собственников, а у государственных и удельных крестьян между волостями и селениями. Внутри общины она сохранялась.

Отрезка земли позволила создать земельный фонд для переселенцев, который использовался недостаточно рационально. Мобилизовало товарное производство в крае не само межевание, а рост промышленности и формирование всероссийского и регионального хлебного рынков как стимуляторов товарного производства.

В **третьей главе «Итоги межевания крестьянских и башкирских земель»** основное внимание уделено влиянию межевания на земельную обеспеченность государственной деревни и последствиям размежевания башкир-вотчинников с припущенниками, оказавшимися в ходе размежевания на положении государственных крестьян.

В *первом параграфе «Межевание земель государственных крестьян»* рассмотрен вопрос о целях, ходе и результатах межевания земель государственных крестьян на Урале.

По закону, государственному крестьянину гарантировался надел в 15 десятин удобной земли на ревизскую душу. Однако на практике при отводе наделов «15-десятинная пропорция» рассматривалась как предельная. Излишки отбирались в казенный фонд. В итоге по 15 десятинам получило лишь незначительное число селений. Даже в наиболее многоземельных уездах на ревизскую душу приходилось от 12,4 до – 5,7 дес. На наличную же душу приходилось значительно меньше, так как счет душ велся не по последней ревизии, а по гораздо более ранней: вплоть до 1836 г. по 5-й (1895 г.), а с осени 1836 г. по 7-й (1815 – 1816 гг.). В то же время прирост населения, особенно в Оренбургской губ., шел очень быстро (не менее 2% в год). К 1845 г. число государственных крестьян, числившихся по 7-й ревизии, в ней составляло уже менее 60% от реального населения.

В ходе межевания у крестьян разных уездов негорнозаводской зоны было отрезано от 15% до 80% удобной земли. В горнозаводской зоне наделы были настолько малы, что никак не обеспечивали средствами к существованию. Там межевание сводилось лишь к формальному утверждению меж.

Процесс размежевания крестьянских земель сопровождался массовыми злоупотреблениями, главным образом со стороны землемеров. Реакцией на них стали многочисленные прошения и жалобы. Содержание большинства из них сводится к тому, что при формальном соблюдении установленной душевой нормы у крестьян отрезались самые необходимые уголья,

оставлялись малопригодные участки. Поэтому условия хозяйствования в казенной деревне Урала после размежевания ухудшились.

В то же время государственный фонд свободных земель на Урале составлял почти 2 млн. десятин, большая часть которых была изъята у тех же государственных крестьян. При этом значительные запасы имелись и в малоземельных уездах. Например, в Бугульминском числилось свыше 679 тыс. дес. казенных сельхозугодий и около 145 тыс. дес. леса. Передав их в пользование крестьян можно было значительно увеличить душевой надел (в идеале с 3 до 23 десятин). Таким образом, неравномерность в распределении земли была в значительной степени результатом земельной политики государства, не учитывавшей насущные экономические интересы государственной и удельной деревни.

Во *втором параграфе «Размежевание башкир-вотчинников с припущенниками»* рассмотрены особенности генерального и особого межевания башкирских земель, не имевшего аналога в России.

В ходе генерального межевания, проводившегося на башкирской территории в 1798 – 1823 гг., земли части припущенников были отмежеваны, но большинство таких селений осталось в общих с вотчинниками дачах без указания количества следуемой им земли. Это послужило в дальнейшем источником многочисленных земельных споров.

Согласно указу от 10 апреля 1832 г., башкиры-вотчинники оставались владельцами (по сути, собственниками) только тех земель, которые принадлежали им бесспорно. В то же время они должны были бесплатно уступить часть земли припущенникам, проживавшим без документов. подтверждающих размеры и условия их землевладения. В таких смешанных дачах вотчинники должны были получать по 40 дес. надела на душу мужского пола 7 ревизии (с 1860-х гг., не менее 15 дес. на душу 10 ревизии). При этом припущенники делились на две группы – военных и гражданских. Военные – мещераки, тептяри, бобыли, до 10 февраля 1869 г. получали наделы до 30 десятин, а гражданские – государственные и удельные крестьяне до 15 десятин на душу.

На практике размежевание башкир с припущенниками по правилам 1832 г. началось лишь в 1848 г. 10 июня 1857 г. по этому поводу было сделано разъяснение Государственного совета, согласно которому в малоземельных смешанных дачах наделы припущенников сокращались в определенной пропорции, а если и это не помогало, то в той же пропорции сокращались и наделы башкир. При этом вотчинникам оставляли не менее 15 дес. на душу 9 ревизии.

Несмотря на пополнение и уточнение законодательной базы особого межевания и на расширение межевых учреждений, сам процесс размежевания осуществлялся по-прежнему медленно. К 1869 г. (за 20 лет) было бесспорно обмежевано всего 8 дач площадью в 432 тыс. десятин. Это составляло только 3% от общей площади всех 135 башкирских дач.

В связи с этим по инициативе губернской администрации 10 февраля 1869 г. был принят новый указ о размежевании башкирских дач, согласно которому, хотя формально нормы наделения оставались прежними, половина земель у бывших военных припущенников изымалась и поступала в запас. Зато вторая половина земель безвозмездно передавалась в собственность новых «свободных сельских обывателей», которые теперь также могли в ограниченных пределах мобилизовать свои наделы путем продажи или сдачи в аренду.

Земли припущенников из числа государственных и удельных крестьян также передавались в собственность, но с внесением в казну выкупных платежей, то есть на таких условиях, будто они были государственными. Наделение крестьян землей по правилам 1832 г., то есть по числу душ 7 ревизии, на практике означало снижение надела более чем в два раза, если учитывать прирост населения, произошедший за минувшие десятилетия. Кроме того, вступало в силу новое положение, фактически отменявшее нормы 1832 г., поскольку теперь размер отводимого надела не должен был превышать высшего или указного надела, предусмотренного положениями 19 февраля 1861 г. для данной местности (7 – 4 дес. на душу 10 ревизии в зависимости от уезда).

Ущемило новое законодательство и интересы вотчинников. Новые правила значительно расширили контингент получателей башкирской земли, в то же время большинство припущенников малоземельных башкирских дач в дальнейшем прирезки земель на увеличивающееся число ревизских душ так и не получили.

Следовательно, в результате нового закона ощутимые потери в землевладении понесли все категории пользователей: вотчинники, бывшие военные и гражданские припущенники. Зато заметно увеличился фонд казенных земель.

В последующие годы башкиры получили право на проведение внутреннего размежевания и раздел вотчинных земель между собой на коштных условиях. По правилам, утвержденным 4 августа 1878 г., вотчинные земли делились на две части: общинные (неделимые и неотчуждаемые) и общинные отчуждаемые, которые можно было делить по дворам, сдавать в аренду и даже продавать.

Поскольку предыдущие межевания не привели к окончательному распределению земли, соответствовавшему потребностям времени, в конце XIX в. была сделана новая попытка завершить землеустройство башкир и их бывших припущенников. С этой целью 20 апреля 1898 г. было утверждено новое «Положение о размежевании башкирских дач». Снова были открыты межевые комиссии в Уфе, Оренбурге и Перми, на которые возлагалась обязанность окончательно завершить поземельное устройство башкир. Эта работа продолжалась до 1917 г., но так и не была завершена.

Межевание башкирских земель имело несколько далеко идущих последствий. Во-первых, получали собственные наделы башкирские припущенники. Во-вторых, происходила хозяйственная мобилизация земель. Сокращение землевладения у башкир толкало их на более интенсивное использование земли.

В ходе межевания удалось выделить переселенческий фонд для казенных крестьян и одновременно расширить казенное и помещичье землевладение. Это вело к избытку земли у помещиков и казны, значительная часть которой не использовалась.

Таким образом, межевание земель казенных крестьян, а также башкир-вотчинников и их припущенников сопровождалось, с одной стороны, перераспределением земли за счет непривилегированных сельских сословий в пользу казны и отчасти помещиков и горнозаводчиков, с другой – ускорением процесса унификации этих сословий, превращения их в единое сословие «свободных сельских обывателей». В итоге Россия не пошла по американскому пути освоения «дикого» Запада, при котором переселенец получал значительно больший надел, чем российский казенный крестьянин, и становился фермером.

В заключении подведены итоги исследования, изложены основные выводы. Государственное межевание земель в России было масштабным проектом второй половины XVIII – первой половины XIX в. как по времени осуществления, так и по территории на которой проходило.

В Уральском регионе вариантами специального межевания являлись особые межевания, проводившиеся на землях башкир-вотчинников, Оренбургского казачьего войска и, как показало наше исследование, горнозаводских дач. Генеральное и специальное межевания были тесно связаны и взаимно дополняли друг друга.

Региональные особенности межевания уральских губерний определялись характером землевладения и землепользования в крае – слабым распространением поместного и преобладанием крестьянского надельного землевладения, наличием «особых» видов землевладения (горнозаводского,

башкирско-вотчинного с институтом припуска, казачьего войскового и общинного землевладения мелких сословных групп русского и не русского служилого населения).

По теме диссертационного исследования опубликованы следующие работы:

Публикации в ведущих рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК:

1. Смирнов, Г.С. Генеральное межевание уральских губерний в отечественной исторической литературе / Г.С. Смирнов // Вестник ЮУрГУ Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2006. – № 17. – Вып. 7. – С. 112-115 (0,4 п.л.).
2. Смирнов, Г.С. Особенности генерального межевания восточных губерний европейской России / Г.С. Смирнов // Вестник ЧелГУ. История. – Вып. 28. – 2008. – № 35. – С. 24-30 (0,5 п.л.).
3. Смирнов, Г.С. Организация специального межевания в России / Г.С. Смирнов, С.С. Смирнов // Социум и власть. – 2010. – № 1 (25). – 2010. – С. 106-111 (0,6 / 0,4 п.л.).

Публикации в других изданиях:

1. Смирнов, Г.С. Профессиональный облик землемера времен генерального межевания на Южном Урале (первая пол. XIX в.) / Г.С. Смирнов // Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. ст. Вып. 3. Из истории российской интеллигенции. – Челябинск: Изд-во «Абрис», 2005. – С. 96-101 (0,5 п.л.).
2. Смирнов, Г.С. Генеральное межевание / Г.С. Смирнов, С.С. Смирнов // Челябинская область. Энциклопедия. – Челябинск: Каменный пояс, 2003. Т. 1. – С. 805-806 (0,2 / 0,1 п.л.).
3. Смирнов, Г.С. Подати и повинности государственных крестьян Южного Приуралья в XVIII – первой пол. XIX в. / Г.С. Смирнов, С.С. Смирнов // Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. ст. Ч. 2. – Челябинск: ЧГПУ, 2003. – С. 66-70 (0,5 / 0,3 п.л.).
4. Алеврас, Н.Н. Землевладение и землепользование на Южном Урале (18 – начало 20 в.) / Н.Н. Алеврас, П.Ф. Назыров, Г.С. Смирнов // Челябинская область. Энциклопедия. – Челябинск: Каменный пояс, 2003. Т. 3. – С. 414-415 (0,2 / 0,1 п.л.).
5. Смирнов, Г.С. Земледелия системы / Г.С. Смирнов, С.С. Смирнов // Челябинская область. Энциклопедия. – Челябинск: Каменный пояс, 2003. Т. 3. – С. 418 (0,15 / 0,1 п.л.).

6. Смирнов, Г.С. Зерновое хозяйство / Г.С. Смирнов, С.С. Смирнов // Челябинская область. Энциклопедия. – Челябинск: Каменный пояс, 2003. Т. 3. – С. 429-431 (0,25 / 0,15 п.л.).

7. Смирнов, Г.С. Законодательные основы генерального межевания приуральских губерний / Г.С. Смирнов, С.С. Смирнов // Емельяновские чтения: Мат-лы межрег. науч.-практ. конф. (Курган, 19-20 апреля 2006 г.). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. – С. 75-77 (0,3 / 0,2 п.л.).

8. Смирнов, Г.С. Специальное межевание / Г.С. Смирнов, С.С. Смирнов // Челябинская область. Энциклопедия. – Челябинск: Каменный пояс, 2006. Т. 6. – С. 226 (0,1 / 0,05 п.л.).

9. Смирнов, Г.С. «Экономические примечания» к генеральному межеванию как источник по аграрной истории Урала первой половины XIX в. / Г.С. Смирнов // Вестник ЧелГУ. Серия Востоковедение. Евразийство. Геополитика. – 2006. – № 3 (76). – С. 81-89 (0,75 п.л.).

10. Смирнов, Г.С. Отечественная историография генерального межевания уральских губерний / Г.С. Смирнов, С.С. Смирнов // Емельяновские чтения: Мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (Курган, 11-12 мая 2007 г.). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. – С. 233-235 (0,3 / 0,2 п.л.).

11. Смирнов, Г.С. Законодательные основы государственного межевания в России первой половины – середины XVIII в. / Г.С. Смирнов, С.С. Смирнов // Социум и власть. – 2008. – № 1 (17). – С. 91-95 (1,0 / 0,7 п.л.).

12. Смирнов, Г.С. Межевое законодательство России в XVIII в. / Г.С. Смирнов // Емельяновские чтения: Миграционные процессы и межэтнические взаимодействия в Урало-Сибирском регионе: Мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (Курган, 27-29 марта 2008 г.). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. – С. 77-79 (0,4 п.л.).

13. Смирнов, Г.С. Организация генерального межевания в России / Г.С. Смирнов, С.С. Смирнов // Социум и власть. – 2009. – № 1 (21). – 2009. – С. 104-110 (0,4 / 0,2 п.л.).

14. Смирнов, Г.С. Земельные угодья на Урале до и после генерального межевания / Г.С. Смирнов // Социально-экономическое развитие России в нестабильном мире: национальные, региональные и корпоративные особенности: мат-лы XXVI международ. науч.-практ. конф.: в 3 ч. / Урал. соц.-экон. ин-т АТиСО. – Челябинск, 2009. – Ч. 2. – С. 354-358 (0,3 п.л.).

15. Смирнов, Г.С. Генеральное межевание на Урале в конце XVIII – первой половине XIX в. / Г.С. Смирнов // Научный поиск: мат-лы первой науч. конф. аспирантов и докторантов. Социально-гуманитарные и естественные науки. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2009. – С. 145-149 (0,3 п.л.).

16. Смирнов, Г.С. Генеральное межевание на Урале в конце XVIII – первой половине XIX в. / Г.С. Смирнов // Наука ЮУрГУ: материалы 61-й научной конференции. Секция естественно-научных и гуманитарных наук – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2009. – Т. 1. – С. 143-146 (0,2 п.л.).